

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ СУБЪЕКТА

В.В. ЗНАКОВ

Институт психологии РАН, Москва

Обосновывается, что в современном обществе разделение людей на классы происходит уже не по признаку обладания средствами производства, а по тому, какими жизненными шансами они обладают. Шансы определяются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. Новыми «средствами производства» стали знания, не отчужденные от их обладателей. Синтез естественного и искусственного способствует становлению киберсознания, сетевого интеллекта, коллективного интеллекта. Современные технологии в сетевом обществе знаний уже не «продолжают» человека, как было еще 50 лет назад, а сливаются с ним. Изменения в современном обществе и общественном сознании побуждают ученых переосмысливать научные основания психологии субъекта. Проанализированы ключевые направления современных исследований субъекта: 1) поиск и постановка проблем человекознания не из внутриспсихологического контекста, а из междисциплинарного в смысле Б.Г. Ананьева; 2) концентрация исследователей на анализе тех процессов в психике субъекта, которые имеют приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метарефлексия; 3) попытки современного переосмысления деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека; 4) осознание учеными необходимости перехода к новому этапу исследований психологии субъекта – не просто констатирующему его активный характер, но направленному на раскрытие самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности.

Описаны признаки первого, структурно-содержательного, этапа развития психологии субъекта и второго – самосозидательного, самопорождающего. Приведены примеры психологических исследований, проводившихся на первом и втором этапах развития психологии субъекта. Обосновано, что на новом этапе развития этого научного направления главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта и способствующие ей деятельностные основания человеческой психики. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых раскрывается множественность вариантов динамики развития субъектности.

Ключевые слова: субъект, знания, деятельность, метасистемные основания, коллективный интеллект, самосозидание.

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

Как утверждал крупный теоретик менеджмента П. Друкер (2015), в мире человека каждые 50 лет происходят необратимые общественные изменения. Еще в 1980-х гг. человек, идущий по улице и разговаривающий, казалось бы, сам с собой, воспринимался большинством из нас как странное отклонение от нормы. Тогда практически невозможно было предсказать существование мобильных телефонов,

Интернета, всплеск терроризма и другие отличительные признаки нашего времени. Одна из главных причин произошедших изменений заключается в реформатировании классовой структуры общества. В конце прошлого века актуальным было марксистское деление людей на классы по их отношению к средствам производства. Рабочий класс хотя сам не обладал средствами производства, но с помощью машин преобразовывал природную и предметную среду. При этом машины направля-

ли человека и сами показывали ему, что и как нужно делать. Например, с помощью снегоборочной машины можно расчистить дорогу, но нельзя сделать самолет.

В современной социальной теории понятие «класс» отличается от марксистского: оно связывается уже не с владением средствами производства. Очевидно, что в мире, и в частности в нашей стране, сейчас так называемый традиционный машинный труд на заводах, фабриках и т.п. находится в мало востребованном состоянии. Сегодня отнесение людей к определенному классу определяется не по тому, владеют ли они орудиями труда, а по тому, какими жизненными шансами обладают. Шансы определяются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. В нашей стране к этому добавляется еще и наличие родственных и социальных связей. Экономисты называют современное общество «обществом знаний», построенным на сетевых информационных технологиях. В таких условиях так называемый креативный класс не только получает вознаграждение за свои знания, умения, навыки, но и сам является владельцем неотчуждаемых от него «средств производства», в роли которых выступают те же знания, понимаемые в очень широком смысле — как потенциал интеллектуальной деятельности. В отличие от средств производства в марксистском понимании современные средства не могут указать представителям профессий, связанных с интеллектуальным трудом, *что и как* делать. Для таких работников характерно *самостоятельное* творческое применение своих знаний.

В информационно-сетевом обществе представления о средствах труда кардинально изменились. Раньше молоток, телефон и тому подобные инструменты были явным продолжением органов чувств и частей тела человека. Вот как писал об этом Б.Г. Ананьев: «Известно, что благодаря материальному производ-

ству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно “усиливающими” естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или “функциональные органы”, т.е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу» (Ананьев, 1968, с. 25).

Сегодня ученые говорят не об «усилении» (или продолжении) органов человеческого тела техническими устройствами, а о симбиозе, синтезе естественного и искусственного. В прошлом исследования искусственного интеллекта реализовывались на технической основе сопоставления мышления отдельного человека с возможностями машины. Опираясь на материалы международных научных конференций по искусственному интеллекту, можно утверждать, что целью исследований было копирование человеческого разума. Иначе говоря, искусственный интеллект строился на основе редукции к познающему индивиду и индивидуального, и коллективного.

В наше время Э. Файола и другие ученые говорят о становлении киберсознания и человеке дополненном. Возникает представление о формировании коллективного разума, сетевого интеллекта: в компьютерных системах с межсетевым взаимодействием человеческий интеллект становится одновременно распределенным и объединенным. В медицине давно уже используются приборы типа кардиостимуляторов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: является ли ритм сердца большого естественным или искусственным? Нечто подобное теперь происходит со становлением киберсознания: в инновационном поле современного общества мы наблюдаем становление социально объединенного сознания. Такое сознание

формируется на основе слияния компьютерных технологий не только с разумом, но и с телами людей. Живым примером может служить канадец Роб Спенс, которому в глаз имплантировали видеокамеру, соединенную с передатчиком (Файола и др., 2016). Приведу недавний случай взаимодополнения компьютерной и обыденной реальностей: летом 2016 г. во всем мире стала популярной игра Pokemon Go. В ней действия частично происходят в реальном мире, т.е. в местах, обладающих конкретными географическими координатами, и в этих местах якобы действительно присутствуют компьютерные вымышленные персонажи, которых ищут игроки.

Итак, если современные технологии считать средствами производства, то в сетевом обществе знаний они уже не «продолжают» человека, а сливаются с ним. Это происходит потому, что знания, распределенные между членами коммерческих организаций или научных сообществ, все равно остаются достоянием конкретных людей, входящих в эти структуры. И такой взгляд на средства труда отражает характерную особенность социокультурной реальности XXI в.

Цель статьи – показать, что изменения в современном обществе и общественном сознании побуждают ученых переосмысливать научные основания психологии субъекта.

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сегодня актуальным является ответ на вопрос: как изменения в мире человека сказываются на психологических исследованиях? Обращая вопрос к психологии субъекта, я имею в виду следующие ключевые направления современных исследований.

1. Поиск и постановка проблем человекознания (из которого возникла психология субъекта) не из внутриспихо-

логического контекста, а из междисциплинарного в смысле Б.Г. Ананьева.

2. Концентрация исследователей на анализе тех процессов в психике субъекта, которые имеют приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метарефлексия.

3. Проявляющиеся в разных контекстах попытки современного переосмысления деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека.

4. Осознание учеными необходимости перехода к новому этапу исследований психологии субъекта – не просто констатирующему его активный характер, но и направленному на раскрытие самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности.

Рассмотрим эти направления подробнее.

1. Междисциплинарный вектор постановки психологических проблем. Сегодня большинство проблем в психологии субъекта уже нельзя изучать только с внутриспихологических позиций (этот период мы прошли во второй половине XX в.). Необходимость в новом осмыслении старых проблем обусловлена возникновением информационного общества, включающего сетевой характер организации знаний. Актуальность междисциплинарного подхода обусловлена необходимостью взглянуть на каждую проблему с разных точек зрения, задающих неодинаковость ее возможных интерпретаций.

В наше время фундаментальные проблемы целесообразно ставить не внутри той или иной области науки, а на стыке, в междисциплинарном контексте, объединяющем ученых различных специальностей. В XXI в. импульсом к переосмыслению содержания научных категорий служит развитие уже не только психологии, как это было прежде, например в психологической теории коллектива А.В. Петровского, но и всего комплекса наук о человеке – от направленных преимущественно на анализ

мозговых механизмов психической деятельности до направленных на исследование социальных проявлений психики.

В социальной нейронауке в конце XX в. были обнаружены зеркальные нейроны: они активируются не только при выполнении человеком целенаправленных действий, но и при наблюдении за тем, как такие же действия выполняет кто-то другой. Д. Риццоллатти, открывший зеркальные нейроны, пишет: «Как только мы видим, как кто-то делает что-либо – отдельное действие или цепочку действий, – его движения незамедлительно приобретают для нас смысл, хочет он этого или нет. И, очевидно, верно и обратное: наши действия незамедлительно обретают смысл для тех, кто их видит. Зеркальная система и такая избирательность ответов составляющих ее нейронов способствуют созданию *общего пространства действий* (*shared space of actions*), внутри которого каждое действие и цепочка действий, принадлежат они “нам” или “другим”, мгновенно регистрируются и распознаются без необходимости какой-либо эксплицитной или намеренной “когнитивной операции”» (Риццоллатти, Синигалья, 2012, с. 119).

Одним из перспективных технологических направлений является создание сетевого интеллекта (Войскунский, Игнатъев, 2013). В его основании лежат не только анализ Интернета как человеко-машинного виртуального взаимодействия, но и попытки изучения коллективного интеллекта. Так, в исследовании А.У. Вули с соавторами выявлен фактор «с» (феномен коллективного интеллекта) – способность группы выполнять широкий класс задач. Он слабо зависит от индивидуальных интеллектуальных способностей членов коллектива (группы). Гораздо большую роль играет социальная чувствительность (*sensitivity*), а также отсутствие в коллективе явно выраженного лидера, доминирующего в процессе групповой работы. При этом успешность решения самых разных

групповых задач слабо коррелирует с величинами индивидуальных показателей интеллекта (Woolley et al., 2010).

Интересно, что вследствие групповых решений может возникать принадлежащее группе распределенное знание, которое отсутствует в индивидуальных тезаурусах. Д. Толлефсен приводит такой пример. Комиссия ООН по народонаселению, состоящая из 47 человек, выпускала отчет под названием «Карта развития народонаселения». Каждый член комиссии готовил свою тематическую часть доклада и самостоятельно собирал информацию. Затем технический сотрудник Саманта, не являющаяся членом комиссии, составляла коллективный документ. После этого доклад был роздан членам комиссии. Они обратили внимание на фразу: «Скорость возрастания доли латиноамериканского населения в США увеличивается». Никто из членов комиссии ее не писал, и она прямо не следовала ни из одного фрагмента доклада. Следовательно, никто не был конкретным автором этой информации. Это тот случай, когда не получается ни приписать знание группе, ни указать его надежный источник (Tollefsen, 2007).

В психологии и менеджменте изучаются психологические основания интересности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekäle, 2011), здравоохранению (Kessel, Kratzer, Schultz, 2011), службам занятости (Kohansal, Alimoradi, Bohloul, 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Юй и Р. Чжоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное

знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности накопленные одним человеком опыт и знания могут иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные следствия для преподавания. И только тогда, когда преподаватели признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

В современной психологической науке проблема разделенных знаний неразрывно связана с исследованиями эмпатии и симпатии. При изучении групповых процессов эмпатия и симпатия соотносятся в основном не с когнициями, а с коллективными переживаниями (Коллективные..., 2015). Социальный характер категории переживания проявляется, в частности, в том, что в психологических исследованиях фокус анализа смещается с индивидуальных переживаний в область коллективного. «Отдельная личность проникнута не столько уникальными, сколько “типическими” (по Г.Г. Шпету) переживаниями, близкими всем представителям большой группы, культуры, социума. Таким образом, коллективный характер субъекта переживания утверждается пока еще не совсем на надиндивидуальном уровне, где субъектом выступала бы собственно группа, но уже в отрицании исключительной природы переживания общественных явлений отдельным человеком. Один человек переживает то же, что и другие люди, и это делает переживание не индивидуаль-

ным, а социальным явлением» (Ширков, 2015, с. 199).

Важными составляющими переживаний являются коллективные эмоции. Они разделяются и осознаются всеми членами группы. К. фон Шеве, анализируя феномен коллективных эмоций, называет их «синхронным сближением аффективного реагирования». В межличностном общении в одной и той же культуре (обладающей общими знаниями, нормами, ценностями), в способах идентификации субъекта с группой коллективные эмоции не просто проявляются как совокупность отдельных эмоций, а представляют собой уникальное «холистическое» качество социального коллектива (von Scheve, 2013).

2. Метауровень исследования психики субъекта. Современная психология характеризуется повышенным интересом ученых к психологическим процессам, имеющим приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метакогнитивная компетентность и т.п. На уровне психики отдельного субъекта метапроцессы играют связующую роль в создании общего пространства психических действий.

Например, при понимании научного текста метакатегорией, отражающей целостное понимание, является когерентность (связность). За этим понятием скрывается представление о том, что для понимания понимающему субъекту необходимо согласовать между собой его предварительные знания и навыки понимания текста (Best et al., 2005). В модели *конструкции-интеграции* У. Кинча показано, как знание влияет на формирование понимания. В процессе понимания субъект получает новые знания, способные повлиять на последующее понимание. Эффективный «познавательный-понимательный» цикл заключается в том, что предварительные сведения всегда необходимы для возникновения понимания, которое, в свою очередь, порождает знание. У. Кинч полагает, что при чтении мы опираемся

на свои знания о мире и представления о том, о чем, по нашему мнению, идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений – построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации (Kintsch, 2004).

Существенно меньшим, чем в ментальной репрезентации, количеством когнитивных составляющих психики характеризуется метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта. В основании экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию (DeCicco, Stroink, 2007), которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия – осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

Реализация метаперсональной функции экзистенциального опыта основана на рефлексии понимающего субъекта над тем, что происходит в его внутреннем мире, как именно протекают процессы познания и понимания. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события или ситуации. Познание всегда включает отношение, а экзистенциальный опыт связан с метакогнитивным опытом.

Знания или стратегии интеллектуальной деятельности в психологической науке

считаются метакогнитивными, если они активно используются для рефлексии и управления своими познавательными процессами. В метапознание включена не только сознательная регуляция интеллектуальной деятельности, но и неосознаваемая познающим субъектом. Метакогнитивный контроль поведения нередко осуществляется автоматически, неосознанно, а выбор стратегии принятия решения является во многом бессознательным метакогнитивным процессом (Koriat, Levy-Sadot, 2000).

Вопрос, на который должны дать ответ будущие исследования, состоит в выявлении роли неосознаваемого экзистенциального опыта в сознательном метакогнитивном контроле поведения. Известно, что метапознание включает в себя убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»). Они определенно не могут быть функцией исключительно сознания – здесь не обойтись без изучения мнений, бессознательных рефлексивных убеждений, установок. Учитывая это, следует признать, что экзистенциальный опыт субъекта имеет такое же важное метатеоретическое значение, как и ментальный.

Таким образом, метакогнитивные исследования обнаруживают направленность и на выявление когнитивной природы знаний, и на раскрытие экзистенциально-герменевтических оснований действий субъекта с ними.

3. Деятельностные основания формирования и развития субъектности человека. После А.Н. Леонтьева в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы – мотивы, цели, действия, операции. Правда, со мной вряд ли согласятся участники «Методологического семинара по проблемам деятельностного

подхода в психологии», который регулярно проводится на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Однако важность новых взглядов на проблемы деятельности в современном междисциплинарном научном контексте для меня тоже очевидна.

Неожиданный ракурс возрождения интереса к деятельностным основаниям психики раскрывается при обращении к работам М. Фуко (2011) и П. Адо (2005). Главное в их трудах – не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, т.е., говоря психологическим языком, деятельности, определяет взгляд на изучаемое, специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя. Примером такой практики является понимание произведений искусства. Процесс понимания-постижения (Знаков, 2016) «художественных произведений – это не только процесс восстановления, возобновления, возрождения смысла, это еще и постоянное творение самой способности понимания – *творение понимающего субъекта*. Своим произведением художник лишь открывает перспективу творческих актов смыслообразования. В цепи этих актов формируются и трансформируются смыслообразующие способности людей» (Порус, 2016, с. 94).

По М. Фуко (2011), субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего в его опыте. Сегодня уже недостаточно анализировать развитие знания о человеке как субъекте, нужно также учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания, другими словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них. Неудивительно, что А.В. Брушлинский, развивая психологию субъекта и следуя за своим учителем С.Л. Рубинштейном, настаивал

на ее субъектно-деятельностных основаниях (Брушлинский, 2003). И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Об этом свидетельствуют многие его поступки (Знаков, 2016, с. 86–87). Субъектно-деятельностный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

Еще один ракурс анализа междисциплинарной проблемы деятельности субъекта (для многих исследователей неожиданный) раскрывается при обращении к организационной психологии, и в частности, к понятию «форсайт». «Форсайт – это 1) систематический процесс сбора информации об изменениях в различных областях человеческой жизнедеятельности, в ходе которого происходит самоопределение заинтересованных сторон относительно вероятного будущего, формируется образ желаемого будущего, принимаются решения и мобилизуются усилия для совместных действий в настоящем; 2) система мероприятий, организационных процессов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность организации или сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании анализа трендов и сценариев развития событий» (Нестик, 2014, с. 5). Форсайт представляет собой особую технологию предвидения будущего развития системы, обязательно сопровождающегося действиями по обеспечению развития общества, активного влияния на будущее. Неудивительно, что существует точка зрения, согласно которой «форсайт по своей сути является модифицированной и сильно преобразованной технологией планирования с учетом новых веяний в науке и обществе. Иными словами, *форсайт – это планирование на новом этапе развития общества*» (Балацкий, 2008, с. 67). В традиционных

психологических исследованиях мышления как прогнозирования, проводившихся в школе С.Л. Рубинштейна, показано, что прогнозы не оказывают никакого воздействия на описанный в условиях задачи реальный ход событий. В отличие от этого форсайт включает не только планирование, но и *действия* по реализации планов. При форсайтном планировании люди, например в организации, становятся и заинтересованными, и ответственными за предполагаемые результаты деятельности. Для психолога полезность использования результатов таких исследований для развития представлений о деятельностных основаниях формирования субъектности очевидны.

Таким образом, современные исследования деятельностных оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но и на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств. Активная субъектная позиция человека предполагает обращение к будущему, деятельностное преобразование прогнозируемых возможных событий.

4. Развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств. Российская психология субъекта прошла *первый этап* развития, который я бы назвал содержательно-структурным. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-х гг. (Брушлинский, 1991). На первом, фактически познавательном, этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления по существу был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направ-

ления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект — это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2003, с. 29). На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта, в них проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния предактивности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т.п. (Журавлев, 2000).

Другая решаемая задача — содержательное разграничение категорий «субъект» и «личность». Для решения задачи была выдвинута гипотеза о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является стержневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания

внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной (Сергиенко, 2013, с. 13).

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, которые проводились на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На *втором этапе* главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например духовные практики, с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным, или самопорождающим. Происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что ранее психологические исследования Я-концепции в основном были направлены на поиск определений Я как совокупности личностных качеств человека. С этих позиций Я характеризовалось «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999). В современных исследованиях наблюдается смещение фокуса внимания ученых на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности.

Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко. Выда-

ющийся французский мыслитель выделял два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время очевидным является смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А.В. Брушлинского. Идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тульчинский, 2010), в идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культурупорождающего образования (Корбут, 2004). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (Петрова, 2013), конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познания, и такой нелегкой работы по изменению себя, которые отражены в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» (Критская, Мелешко, 2015, с. 19). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. При одном, содержательном, ракурсе рассмотрения

проблемы субъекта психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта. Перспективным и соответствующим второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское направление исследований. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т.е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразование соответствует многим направлениям современных психологических исследований — самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др.

С новой, междисциплинарной, научной позиции на многие традиционные проблемы, например психологии коллективного субъекта, можно посмотреть с иной точки зрения.

Совместный характер неявного знания, направленного на выход за границы тезаурусов индивидуальных субъектов, в значительной степени определяет новое понимание психологической структуры коллективного субъекта. Вот как применительно к управлению знаниями

в организациях описывают эту проблему И. Нонака и Н. Конно: «Долгие годы ученичества позволяют новичкам понять, как чувствуют и думают другие. Таким образом, в определенном смысле неявное знание может быть передано только в том случае, если индивид готов стать чем-то большим, включающим в себя неявное знание кого-то другого. Это большее, например, означает, что по отношению к нашим коллегам и клиентам мы испытываем скорее эмпатию, чем симпатию. В двух словах, выход за пределы личности составляет основу распространения индивидуального неявного знания» (Нонака, Конно, 2010, с. 279).

Сегодня для учета существования неявного знания в межличностных взаимодействиях и преодоления исключительно рационалистического подхода к решению проблемы предлагаются различные варианты уровневой структуры психологической организации коллективного субъекта. Например, И.Т. Касавин пытается избежать редукции проблемы только к познающему индивиду. Он различает основные типы коллективности, в которых производится знание. Следуя этой логике, он описывает четыре уровня коллективного субъекта познания: трансцендентальный, укорененный, договорный и распределенный (Касавин, 2015).

Очевидно, что во всех современных вариантах интерпретации содержания категории «коллективный субъект» проявляется направленность на анализ неявного знания и невербализуемого опыта субъекта, это одна из главных характеристик исследований в области человекознания.

В контексте изложенного выше очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А.В. Брушлинско-го, а, например, не К.А. Абульханову или

какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А.В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не ограничивается тем, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериям, структурным характеристикам и т.д.). Иначе говоря, в трудах А.В. Брушлинского психология субъекта описана как новая *целостная* область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А.В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности (Брушлинский, 2003). С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А.В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т.п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Обобщенно говоря, можно утверждать, что А.В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос — об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А.Н. Поддьяков (2014), безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То, что в XXI в. мир человека изменился, — утверждение очевидное и даже банальное. Для психологов важнее определить, в чем конкретно заключаются изменения и как они сказываются на формировании новых взглядов на классические научные проблемы. Проведенный анализ показал, что изменение социальной структуры общества, превращение знаний в средства производства, сетевой характер организации структуры знаний породили оригинальные идеи, которые надо продуктивно использовать в психологии субъекта. К ним относятся осознание необходимости применения междисциплинарного, метакогнитивного и метасистемного подходов;

переосмысление деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека. Однако ключевым является понимание научной неизбежности исследования самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности. И анализировать субъекта и субъектность надо так, как выражено в мудром тезисе Л.И. Анцыферовой: «Изменить себя, не изменяя себе» (2006, с. 341). Другими словами, в изменчивом мире психологи должны изучать субъектную сущность человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

1. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.: Степной ветер; СПб.: ИД «Коло», 2005.
Ado P. Dukhovnyye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. M.: Stepnoy veter; SPb.: ID «Kolo», 2005.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.
Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1968.
3. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт психологии РАН, 2006.
Ancyferova L.I. Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Institut psikhologii RAN, 2006.
4. *Балацкий Е.В.* Сравнительные эволюционные характеристики технологий предвидения будущего // Наука. Инновации. Образование. Вып. 5: Форсайт: основы и практика применения. М.: Знак, 2008. С. 65–88.
Balaczkij E.V. Sravnitelnye evolyucionnye kharakteristiki tekhnologii predvideniya budushchego // Nauka. Innovacii. Obrazovanie. Vyp. 5. Forsayt: osnovy i praktika primeneniya. M.: Znak, 2008. S. 65–88.
5. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
Brushlinskiy A.V. Problema subekta v psikhologicheskoy nauke (statya pervaya) // Psikhol. zhurn. 1991. T. 12. N 6. S. 3–10.
6. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
Brushlinskiy A.V. Psikhologiya subekta. M.: Institut psikhologii RAN; SPb.: Aleteya, 2003.
7. *Войскунский А.Е., Игнатьев М.Б.* Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М.: URSS, 2013. С. 263–283.
Voyskunskiy A.E., Ignatev M.B. Perspektivy razvitiya setevogo intellekta // Rozhdenie kollektivnogo razuma: O novykh zakonakh setevogo sociuma i setevoy ekonomiki i ob ikh vliyaniy na povedenie cheloveka. Velikaya transformatsiya tretogo tysyacheletiya / Pod red. B.B. Slavina. M.: URSS, 2013. S. 263–283.
8. *Друкер П.* Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2015.
Druker P. Klassicheskie raboty po menedzhmentu. M.: Alpina Publisher, 2015.
9. *Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–151.
Zhuravlev A.L. Psikhologicheskie osobennosti kollektivnogo subekta // Problema subekta v psikhologicheskoy nauke / Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovoy, V.N. Druzhinina. M.: Akademicheskij proekt, 2000. S. 133–151.
10. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.
Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka. M.: Institut psikhologii RAN, 2016.
11. *Касавин И.Т.* Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 5–17.
Kasavin I.T. Kollektivnyy subekt kak predmet epistemologicheskogo analiza // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T. 46. N 4. S. 5–17.
12. Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015.
Kollektivnyye perezhivaniya socialnykh problem / Pod red. T.G. Stefanenko, S.A. Lipatova. M.: Smysl, 2015.
13. *Корбут А.М.* Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.
Korbut A.M. Obrazovatel'naya subektivnost' i «tekhnologii sebya» // Universitet kak centr kulturoporozhdayushchego obrazovaniya. Izmenenie form kommunikacii v uchebnom processe / Pod red. M.A. Gusakovskogo. Minsk: BGU, 2004. S. 122–134.

14. *Критская В.П., Мелешко Т.К.* Патопсихология шизофрении. М.: Институт психологии РАН, 2015.
Kritskaya V.P., Meleshko T.K. Patopsikhologiya shizofrenii. M.: Institut psikhologii RAN, 2015.
15. *Нестик Т.А.* Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 3. С. 5–19.
Nestik T.A. Socialnaya psikhologiya vremeni: sostoyanie i perspektivy issledovaniy // Psikhol. zhurn. 2014. T. 35. N 3. S. 5–19.
16. *Нонака И., Конно Н.* Концепция ба: организационный механизм создания знаний // Управление знаниями: Хрестоматия / Под ред. Т.Е. Андреевой, Т.Ю. Гутниковой. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 275–292.
Nonaka I., Konno N. Konceptsiya ba: organizacionnyy mekhanizm sozdaniya znaniy // Upravlenie znaniyami: Khrestomatiya / Pod red. T.E. Andreevoy, T.Yu. Gutnikovoy. SPb.: Vysshaya shkola menedzhmenta, 2010. S. 275–292.
17. *Петрова Г.И.* Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. № 12 (140). С. 131–134.
Petrova G.I. Sovremennyy konstruktivistskiy otvet v reshenii klassicheskoy pedagogiko-antropologicheskoy problemy «zaboty o sebe» // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2013. N 12 (140). S. 131–134.
18. *Поддьяков А.Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
Poddyakov A.N. Komplikologiya: sozдание razvivayushchikh, diagnostiruyushchikh i destruktivnykh trudnostey. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014.
19. *Порус В.Н.* Что значит «понять» художественный текст? // Вопр. филос. 2016. № 7. С. 84–96.
Porus V.N. Chto znachit «ponyat» khudozhestvennyy tekst? // Vopr. filos. 2016. N 7. S. 84–96.
20. *Риццоллатти Д., Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
Ricczolatti D., Sinigalya K. Zerkala v mozge: O mekhanizmax sovmestnogo deystviya i soperzhivaniya. M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012.
21. *Сергиенко Е.А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
Sergienko E.A. Problema sootnosheniya ponyatiy subekta i lichnosti // Psikhol. zhurn. 2013. T. 34. N 2. S. 5–16.
22. *Тульчинский Г.Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М.А. Козлова. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 49–63.
Tulchinskiy G.L. Lichnost kak uspechnyy avtoproekt // Ot sobytiya k bytiyu: grani tvorchestva Galiny Ivanchenko / Sost. M.A. Kozlova. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010. S. 49–63.
23. *Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В.* Человек дополненный: становление киберсознания // Вопр. филос. 2016. № 3. С. 147–162.
Fayola E., Voyskunskiy A.E., Bogacheva N.V. Chelovek dopolnennyy: stanovlenie kibersoznaniya // Vopr. filos. 2016. N 3. S. 147–162.
24. *Фуко М.* Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
Fuko M. Upravlenie soboy i drugimi. Kurs lekciy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011.
25. *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II. Kurs lekciy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2014.
26. *Чепелева Н.В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В. Брушлинского): В 4 т. Т. 3 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 342–345.
Chepeleva N.V. Samoproektirovanie lichnosti v diskursivnom prostranstve // Chelovek, subekt, lichnost v sovremennoy psikhologii (k 80-letiyu A.V. Brushlinskogo): V 4 t. T. 3. / Pod red. A.L. Zhuravleva, E.A. Sergienko. M.: Institut psikhologii RAN, 2013. S. 342–345.
27. *Ширков Ю.Э.* Итоги размышлений: что и как массово переживают люди // Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 198–216.
Shirkov Yu.E. Itogi razmyshleniy: chto i kak massovo perezhiyayut lyudi // Kollektivnye perezhivaniya socialnykh problem / Pod red. T.G. Stefanenko, S.A. Lipatova. M.: Smysl, 2015.
28. *Best R.M.* et al. Deep-level comprehension of science texts. The role of the reader and the text / Best R.M., Rowe M., Ozuru Y., McNamara D.S. // Topics in Language Disorders. 2005. V. 25. N 1. P. 65–83.
29. *DeCicco T.L., Stroink M.L.* A third model of Self-construal: The metapersonal Self // Intern. J.

- of Transpersonal Studies. 2007. V. 26. Iss. 1. P. 82–104.
30. *Kekäle T.* Knowledge sharing among scientists // *J. of Workplace Learning*. 2011. V. 23. N 7. P. 483–484.
 31. *Kessel M., Kratzer J., Schultz C.* Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams // *Creativity and innovation management*. 2012. V. 21. N 2. P. 147–157.
 32. *Kintsch W.* The construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // *Ruddell R., Unrau N. (eds). Theoretical models and processes of reading*. Newark, DE: International Reading Association, 2004. P. 1270–1328.
 33. *Kohansal M.A., Alimoradi Z., Bohloul S.M.* The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance // *Int. J. of Business Performance Management*. 2013. V. 14. N 3. P. 293–306.
 34. *Koriat A., Levy-Sadot R.* Conscious and unconscious metacognition: A rejoinder // *Consciousness and Cognition*. 2000. V. 9. Iss. 2. P. 193–202.
 35. *Lauring J., Selmer J.* Knowledge sharing in diverse organisations // *Hum. Resource Management J.* 2012. V. 22. N 1. P. 89–105.
 36. *Rafaeli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W.* The meaning and measurement of Self-complexity // *Pers. and Indiv. Diff.* 1999. N 27. P. 341–356.
 37. *Tollefsen D.* Group testimony // *Social Epistemology*. 2007. V. 21. P. 299–311.
 38. *von Scheve Ch.* Towards a theory of collective emotions // *Emotion Review*. 2013. V. 5. N 4. P. 406–413.
 39. *Woolley A.W.* et al. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups / *Woolley A.W., Chabris Ch.F., Pentland A., Hashmi N., Malone Th.W.* // *Science*. 2010. V. 330. P. 686–688.
 40. *Yu D., Zhou R.* Tacit knowledge sharing modes of university teachers from the perspectives of psychological risk and value // *Intern. J. of Higher Education*. 2015. V. 4. N 2. P. 214–224.

Поступила в редакцию 1. VIII 2016 г.

A new stage in psychological research of the subject

V.V. Znakov

*Institute of Psychology of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

The author argues that in contemporary society class divisions are not drawn according to possession of means of production, but according to life opportunities one has. The opportunities are determined by education, family wealth, ways of obtaining income. Knowledge as a characteristic of its owner has become a new “means of production”. Synthesis of the natural and the artificial contributes to development of cyber consciousness, network intellect, collective intellect. Contemporary technologies in network society are no longer a continuation of man as it used to be 50 years ago, but are man himself. Changes in society and social consciousness motivate scientists to reconsider scientific foundations of psychology of the subject. The author analyzes key lines in contemporary research of the subject: 1) formulating problems of contemporary research on the basis of interdisciplinary (in B.G. Ananiev’s sense) rather than intra-psychological context; 2) focus on mental processes with the prefix “meta-”: meta-consciousness, meta-understanding, meta-reflection; 3) revision of activity foundations of development of subjectness; 4) awareness of the necessity to go on to a new stage of research of the subject – one that does not simply state its active character, but is aimed at discovering the self-creating and self-transforming nature of human subjectness. The author describes features of the first, structural stage in evolution of psychology of the subject, and of the second – the self-creating and self-transforming stage, providing examples of psychological studies characteristic of either stage, and arguing that the new stage focuses on conditions that ensure self-transformation of the subject and the accompanying activity foundations of the mind. The category “subject” is being reconsidered; from its understanding as self-identification to self-construction, search for practices and discourses which reveal multiplicity of options for development of subjectness.

Key words: subject, knowledge, activity, meta-systemic foundations, collective intellect, self-creation.